

„Journal Naval“
Mensuelle

„Námořní Časopis“
Ежемѣсячникъ

„Námořní Časopis“
Měsíčník

МОРСКОЙ

ЖУРНАЛЬ

№ 25 (1)

Январь 1930 г.

III годъ изданія

ИЗДАНИЕ КАЮТЪ-КОМПАНИИ ВЪ ПРАГѢ.

Содержаніе № 25.

- К.-а. М. И. Смирновъ — Памяти адмирала А. В. Колчака.
Флота ген.-лейт. А. М. Бригеръ — День 28 февраля 17 г.
въ Морскомъ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича Училищѣ.
„Звеновецъ“ — Годовщина.
Письма въ Редакцію.
Изъ жизни Морскихъ Организаций.
О книгахъ, журналахъ и газетахъ.

Подписчики.

По 15/1 1930 г. на „Морской Журналъ“ на 1930 г. подписались: 1) А. А. Рахманиновъ, 2) К. К. Дорошенко, 3) В. А. Бирилевъ, 4) И. А. Ордовскій-Танаевскій, 5) ХХХ, 6) М. И. Зенькевичъ, 7) Н. П. Васильевъ, 8) и 9) Л. Л. Ивановъ, 10) Д. В. Денъ, 11) Ф. Н. Крузе, 12) М. Ф. Духовичъ, 13) Г. Г. Фусъ, 14) Г. Е. Дихтъ, 15) Б. В. Брискорнъ, 16) Ю. В. Соловьевъ, 17) П. А. Варнекъ, 18) Путилинъ, 19) Р. А. Калюжный, 20) С. А. Посоховъ, 21) М. М. Римскій-Корсаковъ, 22) С. И. Хотунцевъ, 23) А. К. Пилкинъ, 24) В. В. Гусевъ, 25) Объединеніе выпуска 6/XI/22 г., 26) Г. Кораблевъ, 27) А. Горковой, 28) М. В. Казиміровъ, 29) В. А. Іевской, 30) А. И. Русинъ, 31) М. А. Кедровъ, 32) С. К. Терещенко, 33) М. П. Бачмановъ и 34) А. А. Е.

Внесшіе плату за 1929 г. указаны на страницѣ 3-й обложки.

Лица, по тѣмъ или инымъ причинамъ не желающіе опубликовать своихъ фамилій, благоволятъ заявить о томъ при высылкѣ денегъ.

Условія подписки:

въ Америкѣ — въ годъ 2 доллара, на полгода — 1 долларъ;
въ другихъ странахъ на любое число мѣсяцевъ при пропорціо-
нальномъ увеличеніи стоимости одного экземпляра — 10 америк.
центровъ.

Подписная плата (и уплата за отдѣльные экземпляры) принимается въ любой валютѣ. Переводить ее можно или на текущій счетъ М. Stachevič въ двухъ банкахъ: 1) Živnostenská Banka v Praze, Expositura na Kral. Vinohradech, Praha, Kral. Vinohrady. и 2) Americko-Slovenska Banka, Praha II, Namesti Republiky или въ заказныхъ (денежныхъ) письмахъ по адресу: М. Stachevič, Praha II, Wenzigova, 17.

Контръ-Адмиралъ *М. И. Смирновъ*, Лондонъ.

Памяти Адмирала **А. В. Колчака.**

Десять лѣтъ тому назадъ погибъ отъ руки большевистскаго палача нашъ Національный Вождь Адмиралъ Александръ Васильевичъ Колчакъ. Это ужасное событіе произошло во дворѣ тюрьмы города Иркутска 7-го февраля 1920 года, около 5-ти часовъ утра.

Будучи въ теченіе значительной части моей службы во флотѣ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Адмирала, я считаю своимъ долгомъ дать краткій очеркъ главнѣйшихъ этаповъ его дѣятельности.

А. В. Колчакъ окончилъ Морской Кадетскій Корпусъ осенью 1894 года. Уже въ Корпусѣ въ немъ проявились зачатки будущаго вождя. Его авторитетъ стоялъ высоко среди воспитанниковъ Корпуса, чувствовавшихъ въ немъ моральную силу, способную руководить массами.

По окончаніи Корпуса А. В. Колчакъ плавалъ на различныхъ боевыхъ корабляхъ флота. Онъ проявлялъ особый интересъ къ изученію природы океановъ, главнымъ образомъ, полярныхъ областей. Съ 1900 по 1903 годъ онъ участвовалъ въ полярной экспедиціи барона Толя на яхтѣ „Заря“, въ качествѣ океанографа экспедиціи. Въ это время онъ совершилъ замѣчательное путешествіе на рыбацьемъ вельботѣ въ полярную темноту отъ сѣверныхъ береговъ Сибири на островъ Бенета для розысковъ погибшаго барона Толя. Какъ результатъ работъ А. В. Колчака появилось его изслѣдованіе „Льды Карскаго и Сибирскаго морей“, изданное Императорской Академіей Наукъ. За свои труды онъ получилъ отъ Академіи Наукъ золотую нагостольную медаль.

Въ 1904 году А. В. Колчакъ принялъ участіе въ Русско-Японской войнѣ, командуя миноносцемъ въ Портъ-Артурѣ, а послѣ гибели его корабля, командуя батареями морскихъ орудій на сухопутномъ фронтѣ крѣпости. За боевую дѣятельность онъ былъ награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ.

Неудача войны и потеря флота вызвали горячій откликъ въ А. В. Колчакѣ и онъ принялъ дѣятельное участіе въ возникшемъ среди молодыхъ офицеровъ Флота движеніи по преобразованію Морского Вѣдомства и возрожденію Флота. Въ 1906 году онъ былъ назначенъ Начальникомъ Организационно-Тактическаго Отдѣла вновь созданнаго Морского Генеральнаго Штаба. Въ то время Колчакъ являлся душой работъ Штаба, онъ участвовалъ въ разработкѣ всѣхъ оперативныхъ, организационныхъ и тактическихъ вопросовъ, возникшихъ въ Штабѣ, онъ работалъ не покладая рукъ, днемъ, вечеромъ и по праздникамъ. Можно сказать, что всѣ основы, на которыхъ былъ

успѣшно возроденъ Русскій Флотъ, были разработаны въ 1906/08 годахъ при ближайшемъ участіи А. В. Колчака. Слѣдуетъ отмѣтить его выдающуюся дѣятельность въ этотъ періодъ времени по пропагандѣ морскихъ идей среди общественныхъ круговъ. Съ разрѣшенія Морского Министра нѣсколько офицеровъ, служившихъ въ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ, участвовало въ собраніяхъ различныхъ общественныхъ организацій и въ собраніяхъ членовъ законодательныхъ учрежденій для разъясненія вопросовъ, связанныхъ съ возсозданіемъ Флота. Обладая крупнымъ ораторскимъ талантомъ и логическимъ построеніемъ мысли, А. В. Колчакъ производилъ большое впечатлѣніе на слушателей, его рѣчи имѣли сильное вліяніе для укрѣпленія въ общественныхъ кругахъ мнѣнія о необходимости Флота для Россіи.

Одновременно съ работой въ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ, А. В. Колчакъ продолжалъ интересоваться полярными изслѣдованіями. Онъ хотѣлъ доказать возможность прохода кораблей въ одинъ навигаціонный періодъ Сѣвернымъ Морскимъ Путемъ изъ Берингова пролива къ Мурманскому берегу. Въ 1909 году онъ отправился вмѣстѣ со своимъ сотрудникомъ по океанографическимъ работамъ лейтенантомъ Матисенъ въ экспедицію на построенныхъ по ихъ проекту ледоколахъ „Таймырь“ и „Войгачъ“. Дойдя черезъ Суэцкій каналъ до Владивостока — начальнаго пункта экспедиціи, А. В. Колчакъ былъ неожиданно вызванъ въ С.-Петербургъ, т. к. вновь назначенный Морской Министръ Адмиралъ И. К. Григоровичъ считалъ, что работа Колчака въ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ по возсозданію Флота болѣе нужна, чѣмъ продолженіе полярныхъ изслѣдованій. Идея Колчака по изученію Сѣвернаго Морского Пути была впослѣдствіи выполнена капитаномъ 2 ранга Вилькицкимъ.

Въ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ А. В. Колчакъ занялъ должность Начальника Балтійскаго Оперативнаго Отдѣла. Онъ отдался дѣлу созданія Флота съ новой энергіей. Имъ были пересмотрѣны и дополнены всѣ оперативные планы, программы кораблестроенія, основанія мобилизаціонныхъ плановъ и т. п.

Во вновь созданномъ Военно-Морскомъ Отдѣлѣ Николаевской Морской Академіи онъ занималъ кафедру службы Генеральнаго Штаба во Флотѣ. Этотъ періодъ дѣятельности А. В. Колчака былъ наиболѣе продуктивенъ въ смыслѣ проведенія въ жизнь основныхъ идей, разработанныхъ въ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ въ 1906/08 годахъ.

Поставивъ оперативную работу въ Штабѣ на прочныя основы, капитанъ 2 ранга Колчакъ перешелъ въ 1912 году на должность Флагъ-Капитана оперативной части въ Штабѣ Командующаго Морскими Силами Балтійскаго Флота Адмирала Н. О. фонъ-Эссенъ. Здѣсь трудами Колчака была поднята на большую

высоту тактическая подготовка Флота и детально разработаны мобилизационные планы. Каждый офицер флота помнит, в каком идеальном порядке была произведена мобилизация Флота в 1914 году — этому Флот обязан трудам Колчака.

Съ началомъ войны проявились въ полной мѣрѣ основныя свойства характера А. В. Колчака — его призваніе быть вождемъ. Онъ показалъ, что можетъ не только правильно мыслить, но умѣетъ „держать“ и руководить боевыми операціями. Осенью 1914 г. и зимой 1915 г. слабыя силы крейсеровъ и миноносцевъ Балтійскаго Флота подъ руководствомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и подъ непосредственнымъ командованіемъ А. В. Колчака, совершили рядъ смѣлыхъ операцій по постановкѣ минныхъ загражденій у германскихъ береговъ на путяхъ къ Килю и къ Данцигу. На этихъ минахъ противники потеряли нѣсколько крейсеровъ, миноносцевъ и транспортовъ и въ концѣ 1914 года германскій флотъ получилъ приказъ отъ своего главнаго командованія не выходить въ Балтійское море до тѣхъ поръ, пока не будетъ организовано вытравливаніе русскихъ минъ.

Лѣтомъ вниманіе Германіи было обращено на Рижскій заливъ. Оборона его не входила въ первоначальный планъ операцій нашего Флота, тѣмъ не менѣе заливъ былъ спѣшно приведенъ въ состояніе обороны по плану Колчака и, какъ извѣстно, превосходнымъ силамъ германскаго флота не удалось завладѣть водами Рижскаго залива. Осенью 1915 г. А. В. Колчакъ былъ назначенъ Командующимъ минной дивизіей Балтійскаго Флота, главной задачей которой являлась оборона Рижскаго залива. Колчакъ не ограничился только обороной, но произвелъ рядъ удачныхъ операцій съ миноносцами по нападенію на морскую торговлю Германіи со Швеціей. За руководство обороной Рижскаго залива и боевыя дѣйствія онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 ст. и произведенъ въ чинъ Контръ-Адмирала.

Подводя результаты дѣятельности А. В. Колчака въ Балтійскомъ морѣ, слѣдуетъ сказать, что подъ его оперативнымъ руководствомъ Флотъ не только выполнилъ основную задачу обороны Финскаго залива, возложенную на него планомъ войны, но и расширилъ эту задачу включеніемъ въ оборону Рижскаго и Ботническаго залива и произведя рядъ успѣшныхъ операцій по постановкѣ минъ у непріятельскихъ береговъ.

Въ іюлѣ 1916 года А. В. Колчакъ былъ произведенъ въ чинъ Вице-Адмирала и назначенъ Командующимъ Черноморскимъ Флотомъ. Главными задачами Черноморскаго Флота были блокада Босфора, борьба съ непріятельскими подводными лодками и подвозъ снабженія Кавказской и Юго-Западнымъ (затѣмъ Румынскимъ) арміямъ. Ко времени назначенія Колчака германскія подводныя лодки хозяйничали на Черномъ морѣ и

топили наши пароходы-транспорты, а крейсера „Гебенъ“ и „Бреслау“ производили набѣги на наши порты. Колчакъ рѣшилъ совершенно измѣнить оперативный планъ Флота и вмѣсто пассивной обороны своихъ береговъ, сосредоточить усилія на блокадѣ Босфора и Варны минами загражденія. Результаты превзошли самыя смѣлыя предположенія. Противникъ потерялъ на нашихъ минахъ 5 подводныхъ лодокъ и черезъ три мѣсяца послѣ начала нашихъ операцій по минированію его портовъ пересталъ посылать подводныя лодки въ Черное море. Крейсера „Гебенъ“ и „Бреслау“ и транспорты германо-турецкаго флота въ море больше не выходили, будучи заблокированы въ Босфорѣ. Интересно привести слѣдующія данныя: весной 1916 года отъ начала нашихъ операцій по минированію Босфора и Варны непріятельскія подводныя лодки потопили около 30 нашихъ пароходовъ, а съ іюля 1916 года до конца войны мы потеряли только одинъ пароходъ. Одновременно съ блокадой непріятельскихъ портовъ велась дѣятельная подготовка къ выполненію главной задачи Черноморскаго Флота — завладѣнію нами Босфоромъ. Осуществленіе этой операціи было предположено въ 1917 году, когда въ результатѣ предполагавшагося наступленія нашихъ армій на главномъ фронтѣ силы германской коалиціи дрогнуть. Осуществленію этой важнѣйшей задачи не суждено было состояться вслѣдствіе наступившей революціи, съ началомъ которой Флотъ сталъ быстро разлагаться. Въ этотъ несчастный періодъ большое значеніе сыграли особыя черты характера А. В. Колчака — его способность вліять силой слова и убѣжденія на массы, вызывать въ нихъ подъемъ патріотическаго духа и удерживать ихъ отъ разрушительныхъ стремленій.

Получивъ извѣстіе объ отреченіи Государя Императора отъ Престола и приказъ Его Величества подчиняться Временному Правительству, А. В. Колчакъ рѣшилъ, что его долгъ — остаться на своемъ посту и приложить всѣ силы для поддержанія боеспособности Флота, насколько это окажется возможнымъ, и для удержанія матросовъ и солдатъ отъ насилій надъ офицерами. Вся сила его воли была направлена на поддержаніе порядка, что удавалось достигать до іюня 1917 года. За это время ни одинъ офицеръ Черноморскаго Флота не подвергся насиліямъ и корабли продолжали выполнять боевыя задачи. Къ іюню разлагающая дѣятельность большевистскихъ агентовъ усилилась и команды Черноморскаго Флота перестали исполнять приказанія своихъ начальниковъ. Мятежь разросался. Команды потребовали отъ Колчака выдачи имъ его ручнаго оружія — онъ отвѣтилъ: „Вы отъ меня моего оружія не получите ни отъ живого, ни отъ мертваго!“ и на глазахъ у команды выбросилъ свою Георгіевскую саблю въ море, послѣ чего приказалъ спустить въ полночь (по морск. обычаю) свой флагъ Командующаго Флотомъ.

По прибытіи въ Петроградъ, приглашенный въ засѣданіе Временнаго Правительства Адмиралъ Колчакъ заявилъ, что при разложеніи Арміи и Флота продолженіе войны невозможно и если Правительство не находитъ силъ для возстановленія дисциплины путемъ введенія наказанія смертной казнью за неисполненіе приказаній начальниковъ, то Государство придетъ къ гибели.

Популярность А. В. Колчака была чрезвычайно высока и національныя организациі указывали на него, какъ на кандидата въ Диктаторы, но Временное Правительство командировало его въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки во главѣ морской миссіи. Колчакъ не хотѣлъ ѣхать, считая, что онъ можетъ быть болѣе полезнымъ, находясь на Родинѣ, но получилъ категорическое приказаніе Министра Керенскаго покинуть Россію въ кратчайшій срокъ.

Пробывъ короткое время въ Америкѣ, Адмиралъ рѣшилъ возвращаться въ Россію черезъ Японію и Сибирь.

Въ это время произошелъ большевитскій переворотъ и принялъ участіе въ организациі анти-большевитскихъ силъ на Дальнемъ Востокѣ. Когда въ Приволжьѣ и въ Сибири была свергнута большевитская власть и образовано Всероссійское Правительство во главѣ съ Директоріей, то А. В. Колчакъ вступилъ въ составъ правительства въ качествѣ Военнаго и Морского Министра. Директорія, имѣвшая по своему составу преобладающее вліяніе членовъ съ социалистическими тенденціями, была не популярна въ странѣ — требовалась энергичная дѣятельность, между тѣмъ члены Директоріи занимались безконечными словоизліянiями и не принимали необходимыхъ рѣшеній. 18-го ноября 1918 года Директорія была свергнута національными организациями и Сибирское Правительство объявило Адмирала Колчака Верховнымъ Правителемъ Россіи. Недостатокъ мѣста не даетъ мнѣ возможности изложить ходъ борьбы въ Сибири за національную идею; я выскажу только мое личное мнѣніе о причинахъ нашихъ неудачъ; ихъ можно свести въ три группы: недостатокъ единства усилій различныхъ слоевъ Русскаго народа, преступная агитація противъ Національныхъ Вождей, веденная въ тылу Арміи партіей социалистовъ-революционеровъ и, наконецъ, недостаточная поддержка со стороны бывшихъ союзниковъ, не выработавшихъ общей программы дѣйствій въ Русскомъ вопросѣ. Въ своей дѣятельности въ Сибири А. В. Колчакъ руководствовался единымъ стремленіемъ объединить всѣ національныя силы Русскаго народа въ борьбѣ за освобожденіе Родины отъ большевизма, въ его мысли никогда не входили личные расчеты. Стихія была сильнѣе его и его движеніе погребло. Къ сожалѣнію, я не могу изложить здѣсь обстоятельства гибели Адмирала Колчака; напомнимъ лишь объ

общеизвѣстныхъ фактахъ. Слѣдуя изъ Омска на Дальній Востокъ, вслѣдствіе отступленія Сибирскихъ Армій, Адмиралъ былъ отрѣзанъ съ тыла благодаря возстанію въ г. Иркутскѣ. Командующій союзными войсками въ Сибири, французскій генераль Janin, получившій инструкцію отъ Совѣта Союзныхъ представителей въ Сибири, далъ обѣщаніе Адмиралу Колчаку, что онъ будетъ доставленъ на Дальній Востокъ по желѣзной дорогѣ черезъ Иркутскъ подъ охраной союзныхъ войскъ. Вагонъ Адмирала былъ прицѣпленъ къ поѣзду, въ которомъ двигался эшелонъ чехо-словацкихъ войскъ. На вагонѣ были подняты флаги пяти союзныхъ державъ: французскій, англійскій, американскій, японскій и чехо-словацкій. По приходѣ поѣзда въ Иркутскъ комендантъ поѣзда доложилъ Адмиралу, что по приказанію генерала Janin охрана снимается и Адмиралъ передается въ руки мятежниковъ. Исторіи еще предстоитъ разобраться въ мотивахъ поступка генерала Janin, но приведенный фактъ не можетъ быть опровергнутъ. Имя Адмирала Колчака перейдетъ въ исторію, какъ имя Національнаго Вождя - рыцаря, боровшагося за счастье Отечества и за него отдавашаго жизнь.

Основной движущей силой въ теченіе всей жизни и кипучей дѣятельности Александра Васильевича Колчака было чувство безграничной любви къ Отечеству, для него благо Россіи было превыше всякихъ другихъ интересовъ. Для Родины онъ готовъ былъ на величайшее самопожертвованіе. Обладая выдающимся умомъ, огромной энергіей, беззавѣтной храбростью, недюжиннымъ ораторскимъ талантомъ и способностью къ анализу текущихъ событій жизни, А. В. Колчакъ былъ большимъ Государственнымъ человѣкомъ.

Несчастье Родины переживалось имъ тяжело. Никто изъ близко знавшихъ его никогда не забудетъ его скорбный взглядъ, въ которомъ отражалась глубокая боль за Русскій Народъ.

Въ личной жизни А. В. Колчакъ былъ исключительно хорошимъ человѣкомъ, честнымъ, искреннимъ, отзывчивымъ и вѣрнымъ другомъ. Въ области политики онъ готовъ былъ работать съ каждымъ, кто ставитъ интересы Родины выше собственнаго благополучія. Онъ ненавидѣлъ политическую партійность.

Да послужить чувство безграничной любви къ Родинѣ, столь сильное у погибшаго Вождя, примѣромъ Русскимъ людямъ, хранящимъ въ своихъ сердцахъ завѣтное желаніе національнаго блага Россіи, и да подвинетъ оно ихъ на новые подвиги для счастья Отечества.

М. Смирновъ.

Съ Новымъ Годомъ!

Привѣтствіе Е. И. В. Великаго Князя
Александра Михайловича.

Адмиралу Русину.

Мнѣ было пріятно получить привѣтъ всѣхъ дорогихъ моему сердцу моряковъ; душевно я былъ съ Вами всѣми. Не слѣдуетъ терять бодрости духа; вѣра, воля и любовь все превозмогутъ и приведутъ насъ на Родину; чудный, родной Андреевскій Флагъ не можетъ исчезнуть; сколько жертвъ принесено въ его славу, сколько молитвъ возносилось къ Богу и Христу подъ его величественной сѣнью.

Я лично всѣмъ обязанъ этому Флагу; теперяшняя моя дѣятельность зародилась на корветѣ „Рында“, когда, во время трехлѣтняго плаванія, мы всѣ, отъ командира и до послѣдняго матроса, отдавали всѣ свои силы на службу Царю и Родинѣ. Простоявъ сотни часовъ ночныхъ вахтъ, я тогда началъ стремиться къ познанію той истины, которую я проповѣдую здѣсь Американскому народу. Трогательно видѣть, сколько трогательнаго вниманія оказываютъ мнѣ эти добрые люди и какъ высоко стоитъ русское имя; только теперь Американцы начинаютъ понимать, чѣмъ была прежняя Россія и что она представляетъ сегодня и всѣ, за малыми исключеніями, желаютъ видѣть возрожденіе прежней Святой Руси. И такъ оно и будетъ. Пройдя черезъ горнило неслыханныхъ страданій и обмановъ, Русскій Народъ вернется на путь истины, на путь жизни во имя правды, добра и любви.

Я прошу всѣхъ родныхъ мнѣ сослуживцевъ принять мою сердечную благодарность за привѣтъ и мои искреннія пожеланія здоровья, силъ и счастья къ празднику Рождества и къ Новому Году.

*Великій Князь
Александръ Михайловичъ.*

Милостивый Государь
Михаилъ Сергѣевичъ!

Адмиралъ Е. И. В. Великій Князь Александръ Михайловичъ принимаетъ всегда самое живое, сердечное участіе во всѣхъ дѣлахъ и жизни Каютъ-Компаніи морскихъ офицеровъ въ Парижѣ, и вообще весьма близко стоитъ къ каждому моряку, къ каждой морской семьѣ. Ежегодно, 6 ноября, Его Императорское Высочество неизмѣнно удостоиваетъ насъ Своимъ присутствіемъ на нашемъ товарищескомъ завтракѣ. Въ минувшемъ ноябрѣ

1929 г. Великій Князь находился въ Америкѣ, почему и не могъ быть на нашемъ традиціонномъ обѣдѣ.

Отъ имени Каютъ-Компаніи морскихъ офицеровъ въ Парижѣ 6 ноября я всепреданнѣйше принесъ Его Императорскому Высочеству привѣтствіе, по случаю морского праздника, на что мною полученъ, приводимый выше, отвѣтъ Великаго Князя, который прошу напечатать, если не встрѣчается препятствій, въ „Морскомъ Журналѣ“, такъ какъ знаю, насколько каждому моряку, гдѣ бы онъ ни находился, дорого и радостно прочитать сердечныя, теплыя слова Августѣйшаго Сослуживца по Императорскому Флоту и Соплавателя по многимъ морямъ и океанамъ на корабляхъ, отрядахъ и эскадрахъ Его Императорскаго Величества, подъ Андреевскимъ Флагомъ.

Великій Князь переживалъ съ нами невзгоды и бури на мостикахъ и палубахъ кораблей, а теперь, также вмѣстѣ съ нами, переноситъ бурю и невзгоды житейскія.

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы поздравить Васъ и Редакцію съ Новымъ Годомъ, и пожелать счастья и полного успѣха въ Вашихъ трудахъ.

А. Русинъ.

Каютъ-Компанія въ Прагѣ и Редакція „Морского Журнала“ приносятъ Его Высокопревосходительству адмиралу *А. И. Русину* — Предсѣдателю Всезарубежнаго Объединенія Морскихъ Организаций и Его Превосходительству генераль-лейтенанту *В. М. Линдену* — почетному Предсѣдателю Каютъ-Компаніи въ Прагѣ, искреннія поздравленія съ Новымъ Годомъ и пожеланія силъ, здоровья и бодрости.

Членамъ единой морской семьи, объединеннымъ въ 44 морскихъ организациі, подписчикамъ и читателямъ „Морского Журнала“ Каютъ-Компанія въ Прагѣ желаетъ всего самаго хорошаго въ наступившемъ году. Да будетъ этотъ годъ — послѣднимъ годомъ нашего вынужденнаго сидѣнія за рубежомъ и да пошлетъ Господь Богъ всѣмъ намъ благополучно возвратиться на Родину и отдать всѣ свои силы дѣлу Ея возрожденія.

Каютъ-Компанія въ Прагѣ.

— Разрѣшите просить Васъ, многоуважаемый Михаилъ Сергѣевичъ, принять и передать черезъ посредство Журнала всѣмъ старымъ соплавателямъ и сослуживцамъ поздравленія съ праздникомъ и Новымъ Годомъ и наилучшія пожеланія отъ меня лично и отъ морскихъ чиновъ, состоящихъ во ввѣренномъ мнѣ отдѣлѣ Союза.

Предсѣдатель Тунисскаго Отдѣла О-ва Русск. Офицеровъ
Кап. 1 ранга *В. Лебедевъ.*

Флота Ген.-Лейт. А. М. Бригеръ, Парижъ.

День 28 февраля 1917 года въ Морскомъ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича Училищѣ.

Въ № 23-мъ (11) „Морского Журнала“ въ статью „Послѣдніе дни Корпуса“, вкрались нѣкоторыя неточности, которыя я не могу оставить безъ вниманія, такъ какъ, волею судьбы, мнѣ пришлось быть однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ періодъ переживанія Корпусомъ бурныхъ дней революціи.

Вообще, когда очевидецъ рассказываетъ о какомъ нибудь событіи, въ которомъ дѣйствующей силой является значительная народная масса, онъ чаще всего можетъ передать болѣе или менѣе вѣрно лишь то, что непосредственно входило въ его поле зрѣнія; все же остальное, особенно внутренней смыслъ совершавшагося событія, можетъ выяснитъ только исторія, обоснованная на фактахъ, тщательно и документально проверенныхъ.

Вотъ почему, несмотря на неоднократныя просьбы моихъ друзей издать мемуары о жизни Корпуса въ періодъ революціи, охватывающій 1917-1918 годы, я не считалъ для себя возможнымъ приступить къ этой работѣ, не имѣя подъ рукою документальныхъ данныхъ, но довѣряя лишь своей памяти, личнымъ впечатлѣніямъ и безчисленному множеству носившихся слуховъ. Поэтому и въ данномъ случаѣ, внося поправки, я буду говорить лишь о томъ, чему самъ былъ свидѣтелемъ, сначала какъ лицо подчиненное, а затѣмъ какъ начальникъ Морского Училища.

На страницѣ 26-ой авторъ статьи пишетъ: „Около часу послышалась команда — „По ротамъ! Во фронтъ!“

Инспекторъ классовъ, флота генераль-лейтенантъ Бригеръ, вступилъ въ исполненіе обязанностей Начальника Училища.

Роты выстроились въ своихъ помѣщеніяхъ, пулеметы были убраны, а бунтовщикамъ было сообщено, что они могутъ спокойно войти въ Корпусъ и взять все, что имъ нужно...“

Въ дѣйствительности же произошло вотъ что: вечеромъ, наканунѣ нашествія черни на Училище, Начальникъ Училища вызвалъ меня въ аван-залъ, откуда онъ не уходилъ до утра 28-го февраля, и приказалъ мнѣ обходить караульные посты и имѣть особенное наблюденіе за младшими караульными, дабы они не примѣняли выданнаго имъ оружія безъ дѣйствительной и крайней надобности. Въ 3 ч. утра я былъ отпущенъ домой и когда вошелъ въ обычный часъ въ инспекторскую канцелярію, то узналъ, что послѣ моего ухода, подъ утро, по приказанію Начальника Училища, карауль былъ снятъ и патроны у караульныхъ были отобраны, такъ какъ стало ясно, что до утра ничего особеннаго не произойдетъ. Возможно, что нѣкоторое значеніе имѣлъ еще и докладъ двухъ штатныхъ преподавателей Корпуса, полковника Н. и Флота генераль-маіора Г., бывшихъ

въ классахъ „отдѣльныхъ гардемаринъ“, которые днемъ 27-го февраля, во время классныхъ занятій, подверглись нашествію толпы, причемъ уроки не прерывались, а начальнику Классовъ удалось уговорить толпу не мѣшать занятіямъ гардемаринъ, мирно сидѣвшихъ въ классахъ. Это было, такъ сказать, авангардъ, внявшій уговорамъ Каперанга Ф. начальника гардемаринъ, что однако, не избавило отд. гард. классы, какъ впоследствии стало извѣстно, отъ вторичнаго нашествія огромной толпы, отобравшей оружіе и съѣстные припасы.

28 февраля, около 10 часовъ утра, огромная толпа народу вперемежку съ солдатами, двигаясь съ Большого Проспекта, подошла къ воротамъ 6-ой роты и стала ломиться въ нихъ, требовать ихъ открытія и выдачи пулеметовъ, которые будто бы находятся въ саду. Начальникъ Училища вмѣстѣ съ Адъютантомъ Д. направился черезъ столовый залъ въ садъ 6-ой роты и, встрѣтивъ меня, пригласилъ пойти съ нимъ. Надо было направить толпу къ парадному подъѣзду Корпуса, гдѣ адмиралъ намѣревался ее встрѣтить. Однако, къ желѣзнымъ воротамъ сада невозможно было подойти, такъ какъ толпа не только бушевала, требуя ихъ открытія, но и раздавались выстрѣлы, причемъ пули, ударяясь о противоположную стѣну, разрывались.

Все же адъютантъ, оставаясь въ мертвомъ пространствѣ, крикнулъ толпѣ идти на набережную, къ парадной лѣстницѣ, гдѣ находится Начальникъ Училища, и отправился вслѣдъ за нимъ.

Часть толпы хлынула на набережную, но подходили новыя волны и пытались пробиться въ садъ, ломая ворота. Подойдя къ углу дома 6-ой роты, около воротъ, я ждалъ момента прекращенія стрѣльбы, чтобы направить толпу на набережную. Вдругъ я увидѣлъ сквозь вторыя ворота сада толпу, прорвавшуюся черезъ деревянные, разбитыя ею ворота около Реального Училища, бѣгущую по направленію къ сахарному двору. Стрѣльба прекратилась. Я подошелъ къ воротамъ и сталъ уговаривать толпу не ломиться въ садъ и идти къ парадной двери Корпуса. Но толпа не переставала требовать открытія воротъ, угрожая ихъ сломать. Тогда я сказалъ, что пуцу выборныхъ, на что слышались возгласы согласія. Толпа утихла, дневальный открылъ ворота, человекъ 6 вошли и, увидѣвъ пустой садъ, смущенно вышли и громко сказали, обращаясь къ толпѣ: „тутъ никого нѣтъ и никакихъ пулеметовъ нѣтъ, пойдѣмъ на набережную!“ Ворота сейчасъ же были закрыты и я направился въ аван-залъ. Когда я проходилъ по столовому залу, ко мнѣ подошелъ ротный командиръ роты, помѣщавшейся около столоваго зала, и просилъ меня успокоить гардемаринъ, которые, вопреки приказанію Начальника Училища не выходятъ изъ роты, разобрали ружья и собираются идти отражать толпу. Я вошелъ въ роту; гардемаринны стояли съ ружьями во фронтѣ. Мнѣ

удалось успокоить ихъ примѣромъ „отдѣльныхъ гардемаринъ“, ихъ дисциплинированностью, не позволявшею имъ нарушить приказаніе своего Начальника. Ружья были поставлены въ пирамиды и я направился на парадную лѣстницу. На набережной собралась толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Главную массу составляли солдаты Л. Гв. Финдляндскаго полка и 180-го пѣхотнаго запаснаго батальона, въ которомъ, кстати сказать, числилось болѣе 11000 человѣкъ. Многіе изъ нихъ были вооружены. Внизу, въ вестибюль, у тамбура лѣстницы я увидѣлъ Начальника Училища, разговаривающаго съ группою вооруженныхъ солдатъ, а за ними толпу, галдящую и жестикулирующую. Начальникъ Училища былъ одинъ, а потому спустившись по лѣстницѣ, я подошелъ къ нему и спросилъ, не будетъ ли какихъ приказаній? Начальникъ Училища сказалъ мнѣ, что цѣною нѣсколькихъ ружей (числа точно не помню) ему удастся избавить корпусъ отъ оскверненія толпою и приказалъ мнѣ обойти роты и ускорить исполненіе его приказанія.

Когда, исполнивъ приказаніе, я вернулся на парадную лѣстницу, то увидѣлъ, что адмиралъ уже отѣсненъ на нижнюю площадку лѣстницы, а вестибюль и первый маршъ лѣстницы запружены солдатами; шумъ стоялъ невообразимый... Адмиралъ, поднявъ голосъ, крикнулъ толпѣ, что внутри Корпуса онъ не пуститъ, но пусть выберутъ нѣсколько человѣкъ, которыхъ проведутъ по помѣщеніямъ Корпуса и они убѣдятся, что никакихъ пулеметовъ у насъ нѣтъ. Отъ толпы отдѣлилось нѣсколько человѣкъ, въ числѣ коихъ былъ наглаго вида вольноопредѣляющійся. Амиралъ приказалъ мнѣ провести ихъ по Корпусу. Въ числѣ выборныхъ, къ моему изумленію, оказалось два офицера Л. Гв. Финляндскаго полка.

Я рѣшилъ не вести выборныхъ въ ротныя помѣщенія, а идти черезъ музей въ столовый залъ и вывести на дворъ. Когда они по моему указанію вошли въ помѣщеніе беспроводнаго телеграфа, то одинъ изъ упомянутыхъ офицеровъ шепнулъ мнѣ на ухо: „ради Бога, спасите насъ, помогите намъ скрыться“; я посовѣтывалъ имъ подняться по церковной лѣстницѣ, а тамъ сами увидятъ, какъ имъ спастись...

При входѣ въ музей я просилъ выборныхъ не трогать руками моделей судовъ, такъ какъ нѣкоторыя части ихъ тонки и хрупки и легко ломаются. Впереди шелъ музейный служитель, старикъ Черепановъ (кто его не знаетъ?!..), а за нимъ группа выборныхъ; я же замыкалъ кортежъ, въ видахъ охраны музейныхъ предметовъ. Къ чести выборныхъ надо сказать, что они шли осторожно, ничего не трогали, а вольноопредѣляющійся рассказывалъ мнѣ, что гардемарины стрѣляли съ крыши изъ пулемета и ранили солдата и бабу. При этомъ онъ добавилъ, что Корпусу даромъ это не пройдетъ!

Въ артиллерійской комнатѣ выборные подробно осмотрѣли старинныя мѣдныя фальконетки и признали, что для дѣла они не годятся.

Когда мы вошли въ библіотеку, то изъ столоваго зала несся страшный шумъ и гамъ. Черепановъ нагнулся къ замочной скважинѣ и, посмотрѣвъ въ нее, съ испуганнымъ лицомъ спросилъ меня, открывать ли дверь, такъ какъ залъ наполненъ людьми! Я приказалъ открыть и послѣ нашего прохода сейчасъ же закрыть ее на ключъ и не уходить изъ музея.

Столовый залъ былъ набитъ вооруженными и невооруженными солдатами, уличною толпою и было нѣсколько женщинъ. Всѣ громко говорили, нѣкоторые кричали. Увидѣвъ меня, бросились ко мнѣ, жестикулируя и что то требуя.

За шумомъ разобрать было совершенно невозможно а потому я крикнулъ: „смирно!“ Толпа затихла и я сказалъ: „вотъ ваши выборные; они ищутъ пулеметовъ, а ихъ нѣтъ у насъ“.

Тутъ выступилъ вольноопредѣляющійся изъ группы выборныхъ и заявилъ, что онъ своими глазами видѣлъ черезъ окно пушки и пулеметь. Дѣло, очевидно, шло объ учебно-артиллерійской батарее; поэтому я отвѣтилъ, что это учебный пулеметь, который гардемарины, изучая его устройство, разбираютъ и собираютъ и что для стрѣльбы онъ не пригоденъ.

Вольноопредѣляющійся возразилъ, что пулеметь вовсе не учебный, а самый „настоящинскій“. Я разсмѣялся и пояснилъ, что изучаютъ пулеметь всегда настоящій, а не модель его, и что поэтому, если изъ него сейчасъ стрѣлять, то онъ скорѣе всего обманетъ ожиданія стрѣлка.

Тутъ произошло нѣчто неожиданное: вблизи меня стоялъ огромнаго роста унтеръ-офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Онъ вступилъ въ диспутъ. Презрительно взглянувъ на вольноопредѣляющагося, онъ сказалъ ему: „Эй ты, голова! Гдѣ ты видалъ, чтобы на игрушечномъ пулеметѣ обучались солдаты? Самъ то ты, видно, пулемета и не нюхалъ! Генераль правду сказалъ — учатся всегда на настоящихъ“. Затѣмъ, обратившись къ толпѣ, зычнымъ голосомъ крикнулъ: „Нечего намъ тутъ въ столовкѣ дѣлать! Выходи всѣ на улицу, да на дворъ; тамъ у насъ больше дѣла будетъ!“ И началъ подгонять толпу къ выходамъ. Нашлись помощники и стали выпроваживать толпу. Исходъ ея продолжался, вѣроятно, полчаса. Съ недовольнымъ видомъ уходилъ и вольноопредѣляющійся. Присмотрѣвшись къ нему, я замѣтилъ, что у него не было военной выправки и, скорѣе всего, онъ походилъ на переодѣтаго штатскаго.

Какъ только залъ опустѣлъ и выходныя двери были закрыты, я направился на парадную лѣстницу къ Начальнику Училища.

Тамъ была мертвая тишина; уже не было ни души, даже швейцара. Только на верхней площадкѣ стоялъ кто-то изъ

лазаретныхъ санитаровъ въ бѣломъ халатѣ и задумчиво смотрѣлъ внизъ. Я спросилъ его: „куда же дѣвалась толпа? Гдѣ Начальникъ Училища?“ Онъ вкратцѣ разсказалъ мнѣ, что вооруженные солдаты, а за ними и другіе, становились все наглѣе и наглѣе, наконецъ, директоръ не стерпѣлъ, видимо что-то сказалъ повелительно, а что именно, онъ за шумомъ не слышалъ. Его вдругъ обступили, арестовали и въ автомобилѣ увезли въ Думу.

Я былъ пораженъ и сейчасъ же пошелъ въ комнату дежурнаго по Корпусу офицера, гдѣ узналъ, что пока я возился съ толпою въ столовомъ залѣ, другая часть толпы бросилась по квартирамъ офицеровъ отбирать оружіе и разыскивать двухъ скрывшихся офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, которымъ удалось бѣжать. Ружья большей частью забраны и сейчасъ грабятъ арсеналъ. Я направился въ арсеналъ черезъ столовый залъ; тутъ я увидѣлъ начальника хозяйственной части съ двумя хозяйками училища, которые сообщили мнѣ, что гардемаринъ и кадетъ кормить нечѣмъ, такъ какъ вся провизія съѣдена, даже мука. Какъ голодные звѣри набросилась толпа на продукты, причѣмъ нѣкоторые говорили, что они уже трое сутокъ на улицѣ и ничего не ѣли.

Въ арсеналѣ шелъ грабежъ оружія. Съ трудомъ Начальнику строевой части, адъютанту и мнѣ удалось отстоять часть палашей, какъ оружіе скорѣй декоративное, чѣмъ боевое, и часть ружей и револьверовъ.

Когда и эта толпа убралась, я, какъ старшій въ чинѣ, сейчасъ же соединился по телефону съ Начальникомъ Главнаго Морского Штаба, адмираломъ Стеценко, и доложилъ ему извѣстныя мнѣ подробности случившагося нашествія на Училище и объ арестѣ Начальника Училища.

Адмиралъ Стеценко приказалъ мнѣ подождать у телефона, пока онъ доложитъ Морскому Министру. Вернувшись къ телефону, адмиралъ передалъ мнѣ словесное приказаніе Морского Министра вступить въ исполненіе обязанностей Начальника Морского Училища. Я задалъ вопросъ, не будетъ ли еще какихъ нибудь приказаній и въ случаѣ повторнаго нашествія (о чемъ слухи уже дошли до меня) могу-ли я надѣяться на помощь? На это я получилъ почти дословно слѣдующій отвѣтъ: „Вамъ предоставляется управляться по способности, такъ какъ мы теперь не въ такомъ положеніи, чтобы оказать вамъ помощь. Сдѣлайте все возможное, чтобы сохранить ввѣренныя вамъ молодыя жизни и имущество Его Величества.“

Я знаю, что для васъ наступило трудное время. Помогите Вамъ Богъ“!

Такимъ образомъ я вступилъ въ командованіе уже почти совсѣмъ обезоруженнымъ Училищемъ, при чемъ въ немъ состояло 173 человекъ нижнихъ чиновъ инструкторской команды и

музыкантовъ, уже распропагандированныхъ и настроенныхъ враждебно къ гардемаринамъ и кадетамъ, не говоря уже объ офицерскихъ чинахъ (какъ это всѣмъ извѣстно). Кромѣ того, они были вооружены съ головы до ногъ.

Впрочемъ, примѣръ Владимірскаго Юнкерскаго Училища показалъ что, будучи хорошо вооруженнымъ и болѣе подготовленнымъ къ сухопутному бою, чѣмъ гардемарины и малолѣтніе кадеты Морского Корпуса, они все же не могли отстоять своего училища, а многія молодыя жизни, которыя пригодились бы еще Россіи въ моментъ ея возстановленія, потеряны безвозвратно.

Адмиралъ Викторъ Андреевичъ Карцовъ, геройски своею грудью отстаивалъ Корпусъ отъ оскверненія толпы; но онъ сберегъ и жизни ввѣренныхъ ему государствомъ и родителями молодыхъ людей и дѣтей, впоследствии послужившихъ и Россіи въ боевомъ флотѣ, въ организованныхъ бѣлыхъ арміяхъ, и будущихъ ея слугъ. И это достигнуто только потому, что по его приказу не былъ сдѣланъ ни одинъ выстрѣлъ въ обезумѣвшую, остервенѣвшую толпу. И за это ни одинъ зрѣлый и вдумчивый человекъ, уже вышедшій изъ сферы юношескихъ представлений и кадетскихъ легендъ, не можетъ сдѣлать ему никакого упрека!

Перейдя къ дальнѣйшимъ рассказамъ статьи, побудившей меня взяться за перо, я не могу не испытать чувства удивленія: какъ могло случиться, что никто изъ подчиненныхъ мнѣ офицерскихъ чиновъ, старшихъ и младшихъ, съ которыми я неоднократно обсуждалъ всѣ данныя совершившихся въ знаменательный день 28-го февраля 1917 г. событій, никто изъ нижнихъ чиновъ ни разу не обмолвился объ атакахъ гардемаринъ, да еще съ участіемъ части конныхъ лихихъ юнкеровъ Кавалерійскаго Училища. Не менѣе странно, что делегации отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка и отъ 130-го пѣхотнаго запаснаго баталіона, а впоследствии милиція, — инкриминировали гардемаринамъ лишь стрѣльбу съ чердака и упоминали о нанесенномъ раненіи одной женщинѣ и одному солдату. Этого только уже было достаточно, чтобы Корпусу и его обвинителямъ угрожало уничтоженіе въ двухъ случаяхъ, о которыхъ не буду упоминать, такъ какъ это завлекло бы меня далеко.

И ни разу въ этихъ жалобахъ не упоминались лихія конныя атаки гардемаринъ. Вѣроятно, они все же были; но, надо помнить, что они были совершенно безкровныя для обѣихъ сторонъ, такъ какъ никто изъ гардемаринъ и кадетъ не былъ ни убитъ, ни раненъ. Это фактъ всѣмъ извѣстный!

Ротные комитеты были въ училище введены по приказу Военно-Морского Министра Временнаго Правительства и значеніе ихъ гардемаринамъ могло казаться большимъ, какъ это и изображено въ статьѣ „Послѣдніе дни Корпуса“, потому что

внутренняя жизнь Корпуса, несмотря на захлестыванія революціонныхъ волнь, шла почти въ прежнемъ порядкѣ, что потребовало не мало усилій со стороны воспитательнаго состава Корпуса. Но, къ чести гардемаринъ и кадетъ, я долженъ сказать, что въ большей части своего состава они сами шли навстрѣчу начальству въ этихъ ихъ усиліяхъ, такъ какъ они отлично понимали (особенно послѣ захвата власти большевиками), что дни Корпуса сочтены и надо успѣть извлечь изъ него тѣ познанія, безъ которыхъ нельзя стать офицеромъ Флота.

Въ дѣйствительности ротные комитеты имѣли значеніе скорѣе внѣшнее, для отвода ударовъ по Корпусу, которые могли прекратить его существованіе и до окончанія курса гардемаринами обѣихъ старшихъ ротъ и до полученія ими соответственныхъ аттестатовъ. Къ обладанію этими послѣдними они очень стремились, доказательствомъ чему служитъ слѣдующее обстоятельство. По водвореніи большевиковъ я намѣревался покинуть службу. Слухъ объ этомъ быстро дошелъ до гардемаринъ и на собраніи своемъ они постановили просить меня не покидать Корпусъ и довести ихъ до выпуска. Это постановленіе было сформулировано и напечатано на машинкѣ; были выбраны делегаты, явившіеся ко мнѣ, которые подтвердили, что просьба эта исходитъ отъ всѣхъ наличныхъ гардемаринъ. Конечно, я отложилъ приведеніе въ исполненіе своего намѣренія до конца ихъ курса. Плаваніе гардемаринъ на судахъ боевыхъ флотовъ было вызвано вотъ какими обстоятельствами: шла война, и выпустить гардемарина съ одною теоретическою подготовкою, (да и то по ускоренному курсу, пройденному въ трудныхъ условіяхъ революціонныхъ переживаній) было нельзя. Нужно было во что бы то ни стало создать ему практическое примѣненіе, дать практическую подготовку будущему офицеру Флота, сейчасъ же со скамьи Корпуса попадающему на боевую службу.

Послѣ долгихъ стараній сформировать хотя бы подобіе обычнаго отряда судовъ Корпуса для крайне ограниченнаго раіона плаванія, оказалось, по условіямъ военнаго времени, абсолютно невозможнымъ.

Тогда явилась мысль, можетъ быть и смѣлая, но единственно возможная, — распредѣлить гардемаринъ и старшихъ кадетъ (желающихъ) по судамъ Балтійскаго и Черноморскаго Флотовъ. Одновременно было выражено пожеланіе по примѣру прежнихъ лѣтъ отправить старшихъ кадетъ (вмѣсто гардемаринъ) въ плаваніе на Дальній Востокъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые, получивъ аттестатъ объ окончаніи средняго учебнаго заведенія, не пожелали бы продолжать дальнѣйшее спеціально морское образованіе (имѣлась въ виду возможность внезапнаго закрытія Корпуса). Этотъ планъ былъ рассмотрѣнъ высшимъ начальствомъ и одобренъ, но не сразу, а послѣ сношеній съ обоими

Командующими Флотами, которые, въ свою очередь, обсуждали этотъ вопросъ съ командирами судовъ.

Гардемаринамъ было предложено расписаться по Флотамъ и ихъ судамъ на присланныя вакансіи. Кадеты были отправлены на Дальній Востокъ. Исторія ихъ плаванія извѣстна. Гардемарины навѣрно помнятъ мое напутствіе передъ отправленіемъ ихъ на боевыя эскадры и отряды.

Я говорилъ имъ приблизительно слѣдующее: „Не предъявляйте никакихъ требованій въ содержаніи васъ на судахъ флота, которыя выдѣляли бы васъ изъ среды команды. Не гнушайтесь никакой работы, какая бы черная она ни была, а наоборотъ, старайтесь сдѣлать ее лучше, чѣмъ дѣлаютъ матросы; этимъ заслужите ихъ уваженіе.

Не вступайте съ ними ни въ какія бесѣды на политическія темы, но не избѣгайте общенія съ ними, не относитесь къ нимъ свысока.

Матросы любятъ учиться. И вотъ, этихъ-то обращающихся къ вамъ съ просьбою научить ихъ чему нибудь, постараетесь заинтересовать и старательно научить; ставъ такимъ образомъ ихъ добровольными учителями, вы еще въ большей мѣрѣ заслужите уваженіе и почтеніе, и я увѣренъ, что они сдумаютъ выразить вамъ эти чувства. Учитель, особенно добровольный, всегда выше ученика, въ духовномъ, конечно, смыслѣ. Въ этомъ выгодность вашей позиціи.

Однако избѣгайте амикошества; держите себя съ тактомъ какъ по отношенію къ матросамъ, такъ и къ офицерамъ, которыми вы сами станете вскорѣ. Весьма возможно, что въ этомъ плаваніи вамъ придется исполнять младшія офицерскія обязанности“.

Вскорѣ изъ плаваній я получилъ отъ нѣсколькихъ гардемаринъ письма, въ которыхъ они сообщали, что не забыли моихъ наставленій, въ точности исполняли ихъ и результаты превзошли ихъ ожиданія. На нѣкоторыхъ судахъ уже черезъ нѣсколько недѣль гардемарины оказались предсѣдателями матросскихъ Комитетовъ и вліяніе ихъ было признано благотворнымъ.

На нѣкоторыхъ судахъ матросы сами ходатайствовали о лучшей обстановкѣ жизни гардемаринъ; но въ большинствѣ случаевъ гарды благоразумно отказывались отъ рѣзкаго выдѣленія ихъ, въ этомъ отношеніи, изъ среды команды. Объ этомъ мнѣ тоже писали гардемарины.

Когда пришло время возвращенія гардемаринъ въ Корпусъ, то на нѣкоторыхъ судахъ матросы старались ихъ задержать, а при разставаніи говорили: „Кончайте ваши занятія и возвращайтесь къ намъ, вы будете нашими любимыми офицерами“. Это я слышалъ отъ нѣсколькихъ гардемаринъ.

Опытъ удался вполнѣ; его, однако, нельзя было бы повторить, когда водворился большевизмъ. Матросы изъ людей обратились въ звѣрей, съ которыми уже нельзя было имѣть чело-вѣческаго общенія.

Но опытъ этотъ не новый: въ англійскомъ флотѣ молодые *midshipmen* шли въ бой, не рѣдко 16-ти лѣтняго возраста. Въ данномъ же случаѣ онъ оригиналенъ лишь въ томъ отношеніи, что былъ произведенъ не только въ военное, но и въ революціонное время. Инициатива его возникла изъ условій военного времени и ни въ малой мѣрѣ не принадлежитъ „дневальнымъ“ Корпуса; возможно, конечно, что, узнавъ о предполагаемомъ проектѣ распредѣленія гардемаринъ по судамъ Флотовъ, кое кто изъ низшихъ чиновъ могъ поспорить на эту тему, но и только.

Я не буду слѣдовать дальше за героическою частью разсказа о мучительно умиравшемъ Корпусѣ. Думаю только, что сверхъ двухсотъ-лѣтняя доблестная служба его Царю, Отечеству и Родному Флоту заслуживаетъ деликатнаго отношенія къ его страданіямъ, предшествовавшимъ его концу, конечно, временному, такъ какъ воскреснетъ онъ физически въ день воскресенія Россіи; духъ же его живъ и понынѣ, пока живы его питомцы, любящіе его, одухотворяемые его идеалами и жалѣющіе его въ трудныя минуты его страданій.

Многое нужно было бы написать о тѣхъ трудностяхъ, характерныхъ для революціоннаго времени, которыя начальнику и офицерамъ Училища пришлось преодолевать въ бурный періодъ двойной революціи, но вѣдь въ данный моментъ я писалъ лишь по поводу статьи „Послѣдніе дни Корпуса“, а потому ограничусь этими строками.

Флота генераль-лейтенантъ *А. Бригеръ*.

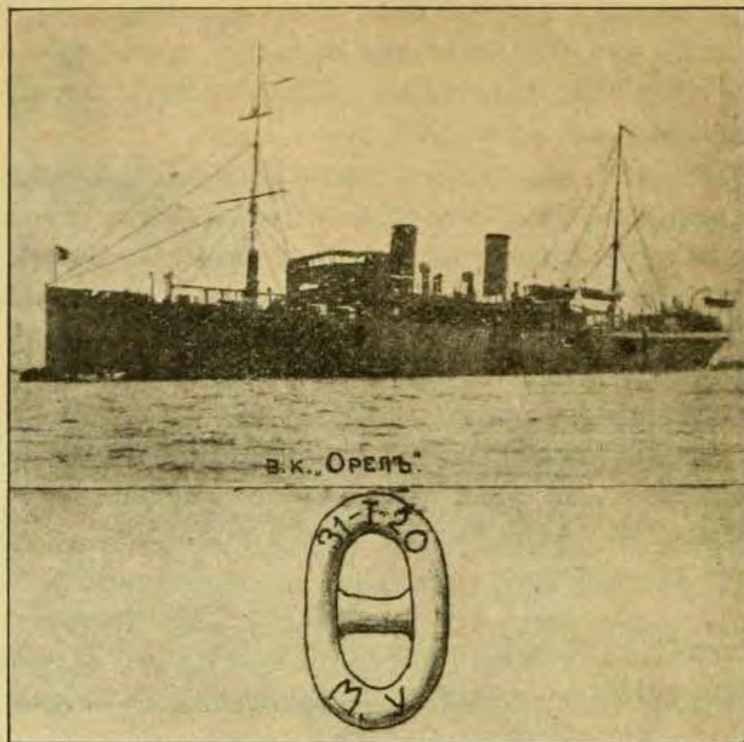
Розыски.

— Каперанговъ Владиміра и Сергѣя Дмитріевичей Чайковскихъ и лейта Сергѣя Валеріановича Николаева розыскиваютъ родные.

— Кор. гардъ С. И. Хотунцевъ розыскиваетъ мичмана Александра Николаевича Васильева, плававшего на „Чесмѣ“ и „Ярославнѣ“.

— Адреса или судьбу поруч. по Адмир. Василя Филипповича Мальгина и вольнопредѣляющагося Алексѣя Михайловича Бакунина — просятъ сообщить въ Редакцію.

— Ольга Петровна Пузырева (вдова к1р. Е. Е. Гестеско), розыскиваетъ к2р. Георг. Андр. Мусатова съ семьей.

Брненскій отдѣлъ Морского Кружка „Звено“
шлетъ къ десятой годовщинѣ памятнаго дня 31-го января
свои пожеланія
силъ, бодрости, здоровья и вѣры въ близкое возрожденіе Россіи
и Андреевскаго Флага
контръ-адмиралу М. А. Беренсу, капит. 1 ранга М. А. Китицину,
всѣмъ бывшимъ чинамъ О.С.О. Н-а и членамъ „Звена“.

Предсѣдатель кор. гард. Цеслинскій.
Секретарь кор. гард. Родионовъ.

* * *

Редакція не можетъ не довести до свѣдѣнія сотрудниковъ и читателей Журнала отзывъ о „Морскомъ Журналѣ“ одного офицера иностранной арміи. Ознакомившись съ нѣкоторыми номерами Журнала и Сборника, онъ пишетъ:

„Удивляетъ меня сознательная и упорная работа офицеровъ Россійскаго Флота въ эмиграціи, которые, несмотря на тяжелыя матеріальныя и моральныя условія углубляютъ и расширяютъ свои спеціальныя познанія. Причиной этому являются безспорно великія традиции русскаго флота, въ которыхъ воспитывались они и мощь этихъ традицій ясно выражается въ ихъ мысляхъ и работѣ“.

„Звеновецъ“, Брно.

Годовщина.

31-ое января 1920 года...

Дата эта однимъ скажетъ много, другимъ — ничего. И попытка отмѣтить этотъ день пусть вызоветъ у первыхъ воспоминанія, а вторымъ пусть дастъ представленіе объ одной страницѣ изъ жизни Морского Училища и нѣкоторыхъ чиновъ Флота.

Владивостокъ. Январь 1920 года. Съ Запада шли нехорошія вѣсти. Адмирала Колчака предали, армія отходила. Поднимали голову социалисты, ведшіе подпольную работу по разрушенію національнаго блага движенія, подъ прикрытіемъ громкихъ фразъ. Морское Училище, волею судебъ оказавшееся вмѣсто береговъ Невы, на далекихъ берегахъ Японскаго моря, въ январѣ не имѣло покоя. Все время на чеку, все время въ готовности быть вызванными въ Штабъ, въ карауль, или кого-нибудь усмирять. Но занятія въ обѣихъ гардемаринскихъ ротахъ Морского Училища*) шли все время и хоть частично отвлекали мысли отъ приближающихся событій.

Враги знали о вѣрности долгу Морского Училища, ненавидѣли гардемаринъ и, безъ сомнѣнія, готовили имъ въ случаѣ паденія Правительственной власти, много неприятностей.

Уже насчитывалось нѣсколько случаевъ нападенія на отдѣльных гардемаринъ на окраинахъ города. Въ прокламаціяхъ къ возставшимъ егерямъ (25-26 января) говорилось, что на ихъ сторонѣ будетъ весь гарнизонъ за исключеніемъ гардемаринъ. Да на 70 человекъ кавказскихъ пластуновъ и Морскую Учебную команду можно было надѣяться и это, кажется, все. Но гроза надвигалась неизбежно и горсточка вѣрныхъ людей не спасла бы положенія, если бы и жизнь отдала за это.

28-го января въ Морскомъ Училищѣ былъ объявленъ приказъ Наморси о сформированіи Отряда Судовъ Особого назначенія подъ командой Начальника Морского Училища Капитана 1 р. Китицына. Отрядъ состоялъ изъ всп. кр. „Орель“ и посыльныхъ судовъ „Якутъ“, „Свирь“, и „Улиссъ“. Въ тотъ же день карауль отъ Морской Учебной команды началъ охранять эти корабли и были приняты мѣры для подготовки ихъ къ походу.

Ночью, 29-го января, часа въ 4, въ Морскомъ Училищѣ было получено извѣстіе, что на Русскомъ Островѣ инструкторская школа Нокса вышла изъ повиновенія и арестовала своихъ офицеровъ.

*) 1-я состояла, главнымъ образомъ, изъ гардемаринъ, ушедшихъ осенью 1917 года изъ Петрограда въ плаваніе на Дальній Востокъ на кр. „Орель“. 2-я рота приѣма 1919 года въ Владивостокъ и частично изъ кадетъ Морского Корпуса, бывшихъ въ это время на Востокѣ.

Срочно состоялось совѣщаніе начальства и въ 6 час. утра былъ отданъ приказъ объ эвакуаціи Морск. Училища на суда Отряда. Работа закипѣла. Грузили вещи на автомобили и подводы и отправляли къ „Орлу“. Планомѣрно, безъ суеты шла работа и къ 14 ч. изъ Училища все было вывезено. Надъ зданіемъ Морского Училища на Шефнеровской улицѣ былъ поднятъ Чехо-Словацкій флагъ — охрана зданія перешла на попеченіе чехо-словаковъ.

До поздней ночи шумѣли лебедки на „Орлѣ“. Грузили уголь, вещи, провизію. Принимали воду. Для обезпеченія выхода въ море были сняты затворы орудій остающихся судовъ флотиліи и захваченъ ледоколъ „Байкалъ“. Команда съ судовъ флотиліи стала покидать корабли. Командиръ японскаго линейнаго корабля „Хизентъ“ (б. „Ретвизанъ“) обѣщаль принять мѣры противъ возможнаго нападенія красныхъ со стороны желѣзной дороги.

Грузились и 30-го. Толпа народу стояла на площадкѣ памятника адмиралу Невельскому, цѣлый день наблюдая погрузку. Въ городѣ — обычная суета. Утромъ выяснилось, что пос. судно „Улиссъ“ не можетъ идти въ походъ изъ-за неисправности машины. Начальникъ Отряда рѣшилъ этой же ночью уходить въ Гензанъ.

„Во Владивостокѣ назрѣлъ очевидный переворотъ. Нѣкоторымъ военнымъ частямъ приходилось причинать участіе въ борьбѣ съ группами, къ которымъ сейчасъ переходитъ власть.

Честно и вѣрно исполняя свой долгъ и сохраняя воинскую дисциплину, они вызвали противъ себя озлобленіе тѣхъ группъ, къ которымъ переходитъ власть.

Примѣры, бывшіе до сихъ поръ, показали, что такимъ частямъ въ первое острое время грозитъ разрушеніе, истребленіе и политическая месть. Поэтому для спокойствія этихъ частей сформированъ отрядъ особаго назначенія, который готовъ въ послѣднюю минуту принять боевые части и выйти въ море, чтобы за предѣлами крѣпости предоставить всѣмъ принятымъ на Отрядъ полную свободу дальнѣйшихъ дѣйствій“...

Такъ говорилось въ приказѣ № 4 Начальника О. С. О. Н. о причинахъ эвакуаціи.

Отрядъ уменьшался: къ ночи выяснилось, что исправленія топокъ и трубопровода на „Свири“ не могутъ быть окончены къ сроку; оставались „Орелъ“ и „Якутъ“.

Погрузка уже была закончена и часовъ въ 9 вечера морскимъ офицерамъ и семьямъ ихъ было объявлено о предстоящемъ походѣ.

Приблизительно въ это время прибылъ на „Орелъ“ для эвакуаціи лихой полковникъ Патіешвили со своимъ отрядомъ пластуновъ, но позже подчинился приказу коменданта крѣпости ген.-маіора Вериги и сошелъ на берегъ.

Наступила суббота 31-го января. Тихая ночь. Городъ какъ будто спалъ...

На борть „Орла“ уже прибылъ вр. командующій Морскими Силами на Дальнемъ Востокѣ контръ-адмиралъ М. А. Беренсъ.

Въ 2 часа ночи ледоколъ „Байкаль“ обколелъ ледъ для вывода судовъ и подалъ на корму „Орла“ буксиры. Но прибылъ японскій морской офицеръ и съемка была отставлена. Въ 4 час. снова явился офицеръ съ „Хизена“ и Начальникъ ОСОН'а, получивъ точныя свѣдѣнія о переворотѣ, имѣющемъ быть этой ночью, отдалъ приказаніе о съемкѣ „Орла“ и „Якута“, — надо было торопиться пока было темно.

Въ 5 ч. 45 м. были отданы швартовы „Орла“ и потушены огни. „Байкаль“ вывелъ „Орла“ на чистую воду и развернулъ. Дали ходъ. „Якутъ“, ожидавшій на серединѣ рейда, вступилъ „Орлу“ въ кильватеръ. Сзади осталась брошенная во льду „Свирь“. Тихо кругомъ. И на палубахъ всѣ притихли. Казалось, ни чѣмъ не выдали своего ухода. Но вотъ американецъ „South Dakota“ освѣщаетъ насъ прожекторомъ и лучъ его не отпускалъ Отряда, пока „Орель“ не повернулъ въ Босфоръ. Итакъ Золотой Рогъ за нами. И городъ, къ которому мы привыкли, нашъ русскій городъ, притаился въ ночной тиши. Спокойно миновали Эгершельдъ, глядя впередъ на мысъ Поспѣлова, гдѣ по агентурнымъ свѣдѣніямъ насъ ждала красная батарея, — вѣдь на Русскомъ Островѣ „товарищи“!

Склонились ближе къ сѣверному берегу Восточнаго Босфора и, готовые отвѣчать на привѣтствіе батареи, благополучно вышли въ Уссурійскій заливъ. Ледъ былъ уже тонкій и мы больше не нуждались въ „Байкалѣ“. Взяли съ него свой отрядъ и отпустили обратно.

Въ 8 ч. утра подняли военно-транспортный флагъ. Было сообщено, что идемъ въ Японію, въ Цуругу... Долго не расходились съ верхней палубы. Всѣ смотрѣли туда, назадъ, къ удаляющимся берегамъ. Все туманиѣе и туманиѣе были ихъ очертанія. Все дальше и дальше отъ нихъ... Прощай Россія! На долго ли?

А утромъ, во Владивостокѣ, 31-го января, уже существовалъ „Военно-революціонный Морской Штабъ“ и власть въ городѣ уже перешла въ руки лѣвыхъ партій. Командующій войсками генералъ Розановъ*) и генералъ Вериго заранѣе укрылись у японцевъ. Полк. Патіешвили со своими молодцами былъ разоруженъ японцами, желавшими предотвратить кровопролитіе.

Газеты писали объ обстрѣлѣ „Орла“ съ Русскаго Острова; о пробоинахъ имъ полученныхъ; о якобы увезенномъ золотѣ, и всячески старались вылить побольше грязи на кап. 1 ранга Китицина и на Отрядъ.

*) Впослѣдствіи служилъ у большевиковъ.

2-го февраля Отрядъ пришелъ въ Цуругу. Начались хлопоты о дальнѣйшемъ и обстоятельства сложились такъ, что дальше на Отрядъ оставаться могло только Морское Училище и лица, имѣющія къ нему отношеніе. Горячо любимый гардемаринами кап. 1 р. Кितिцынъ считалъ себя морально обязаннымъ не прерывать обученія гардемаринъ и поддерживать до послѣдней возможности существованіе Морского Училища. Ему удалось получить грузъ, „пассажиры“ списались въ Японію и Шанхай и Отрядъ двинулся въ Европу.

Цуруга-Моужи - Гонконгъ-Сингапуръ-Андамакскіе острова-Калькутта-Коломбо-Аденъ-Суэць - Портъ Саидъ - Дубровникъ — вотъ путь Отряда. Въ Дубровникѣ разстались со старымъ пріятелемъ „Орломъ“, который былъ 1 октября 1920 г. возвращенъ Добровольному Флоту. Часть личнаго состава осталась въ Югославіи, а часть пошла на „Якутѣ“ въ Крымъ. Но черезъ 5 дней послѣ прихода туда Русскіе берега были уже снова за кормой...

Дальше — Бизерта. И во вторую годовщину эвакуаціи, 31/1-22, въ сырыхъ стѣнахъ форта Джебель-Кебиръ, гдѣ свилъ себѣ новое временное гнѣздо старый Морской Корпусъ, состоялось зарожденіе кружка „Звено“ — одной изъ самыхъ старыхъ морскихъ организацій Зарубежья. Цѣль кружка — связать крѣпче рассасывающихся по свѣту бывшихъ чиновъ Отряда судовъ особаго назначенія.

„Изберемъ себѣ эмблему — якорное звено. Пусть оно намъ напоминаетъ, что сильно возрастаетъ значеніе, мощь и сила отдѣльныхъ людей — если они составляютъ общество, какъ отдѣльныя звенья составляютъ изъ себя надежный и крѣпкій якорный канатъ“... говорилъ основатель и почетный предсѣдатель „Звена“ кап. 1 р. М. А. Кितिцынъ.

Впослѣдствіе отдѣлы „Звена“ расширяясь, принимали чиновъ Флота и не бывшихъ 31/1-20 на Отрядъ, ибо цѣль кружка — вѣрность Морской Идеѣ, вѣрность Родинѣ и взаимная поддержка, была обща для всѣхъ членовъ Морской Семьи.

А на значкѣ кружка — маленькомъ звенѣ — стоитъ дата „31/1-20“ и внизу — буквы „М. У.“.

31/1-20 для многихъ изъ насъ былъ днемъ временнаго разставанія съ Родиной, днемъ, когда, казалось, рушилось то, чему хотѣли мы посвятить свою жизнь. Обстоятельства какъ будто говорятъ, что день этотъ долженъ былъ-бы быть днемъ печали. Но буквы „М. У.“ обязываютъ насъ не печалиться, а съ вѣрою смотрѣть впередъ. Морское Училище стояло два съ лишнимъ вѣка и вѣрно служило Россіи, а потому и буквы „М. У.“ навсегда связали насъ съ Родиной и къ новому служенію Ей, снова Великой и Славной, онѣ зовутъ насъ.

„Звеновецъ“.

Письма въ Редакцію.

Глубокоуважаемый Михаилъ Сергѣевичъ!

На страницахъ „Морского Журнала“ письмомъ к2р. Никитенко затронута имя моего покойнаго отца. Я еще не читалъ статьи, напечатанной въ „Послѣднихъ Новостяхъ“, а потому не знаю, чѣмъ было задѣто самолюбіе к. 2 р. Никитенко. Вполнѣ понимая его желаніе опровергнуть незаслуженное обвиненіе, я удивленъ тѣмъ способомъ, который онъ избралъ.

Для возстановленія истины прошу васъ помѣстить ниже-слѣдующее:

К. 1 р. Савинскій, командуя дивизіономъ эск. миноносцевъ въ Черномъ морѣ, получилъ приказаніе поставить мины на опредѣленномъ, *точно указанномъ* мѣстѣ. Подойдя къ Босфору, дивизіонъ не нашелъ на условленной точкѣ подводной лодки, должествующей служить для опредѣленія мѣста позиціи. Начальникъ дивизіона призналъ, что создавшаяся обстановка не позволяетъ въ этотъ походъ установить загражденіе на *точномъ* мѣстѣ.

Мнѣнія флагъ-капитана операт. части, а также и штурманскаго офицера, назначеннаго на походъ, оказались различны со взглядомъ Начальника дивизіона.

Допускаю, что мнѣнія могли быть различны, но утверждаю, что взглядъ к. 1 р. Савинскаго, всю жизнь проплававшего на миноносцахъ и прокомандовавшего 5 лѣтъ дивизіонами миноносцевъ, является не менѣе авторитетнымъ, чѣмъ взглядъ флагъ-капитана и тѣмъ болѣе молодого штурманскаго офицера.

Начальнику дивизіона такъ легко было согласиться съ мнѣніемъ, несоотвѣтствующимъ его взгляду, установить мины, доложить Адмиралу, что загражденіе поставлено и тѣмъ избѣжать всякихъ разговоровъ, нареканій и непріятностей. Но к. 1 р. Савинскій избралъ путь единственный достойный начальника, а именно: поступилъ по своей совѣсти и приказалъ постановку минъ отмѣнить.

Къ несчастью, актъ глубокаго пониманія к. 1 р. Савинскимъ своего служебнаго долга былъ непонятъ и доложенъ адмиралу, какъ нежеланіе или неумѣніе выполнить задачу. Ввиду условій похода и войны адмиралъ не имѣлъ возможности разобраться въ причинахъ, заставившихъ начальника див. отмѣнить постановку минъ, и принужденъ былъ принять рѣшеніе, руководствуясь только донесеніемъ флагъ-капитана. Рапортъ командира подлодки, доносящаго, что въ силу условій погоды, онъ не могъ занять позиціи, былъ полученъ и прочтенъ адмираломъ уже по возвращеніи эскадры въ базу.

Послѣдовавшій сигналъ флагъ-капитану принять дивизіонъ и установить мины есть право адмирала и обсужденію не

подлежить. Кто далъ право г.г. офицерамъ комментировать этотъ сигналъ?

Встрѣтивъ Адмирала Колчака въ Японіи, осенью 1918 г., я имѣлъ съ нимъ разговоръ въ присутствіи контръ-адмирала Дудорова. Адмиралъ сказалъ мнѣ, что искренне сожалѣетъ о сигналѣ, что онъ всегда уважалъ к. 1 р. Савинскаго, какъ достойнаго офицера, что разобравшись въ обстановкѣ того момента, онъ поступилъ бы такъ же, какъ поступилъ отецъ.

Примите увѣренія въ совершенномъ моемъ уваженіи
лейтенантъ *Савинскій*.

Глубокоуважаемый г. Редакторъ.

Считаю своимъ долгомъ дать поясненія по поводу моего письма въ № 10 „Морского Журнала“.

Я не сомнѣвался въ личныхъ достоинствахъ и доблести покойнаго кап. 1 р. Савинскаго и готовъ признать ошибочность высказаннаго мною мнѣнія, что несправедливости со стороны адм. Колчака не было, если самъ Адмиралъ ее призналъ.

Не обвинять я имѣлъ намѣреніе, но лишь указать, что смѣна Нач. Див-на, пусть несправедливая, была цѣлесообразна съ точки зрѣнія проведенія въ жизнь духа активности и воли Адмирала Колчака. Въ данномъ случаѣ постановка могла быть выполнена, какъ она и была выполнена въ слѣдующую ночь; въ такихъ же условіяхъ, и мѣра Ком-го Флотомъ показала всему Флоту, какую важность онъ придавалъ *выполненію этихъ операцій, несмотря ни на какія препятствія*.

Не можетъ быть сомнѣній, что *кап. 1 р. Савинскій* выполнилъ свой долгъ *сообразно сдѣланной имъ оцѣнкѣ положенія*. Оспаривать правильность этой оцѣнки — не есть оскорбленіе памяти покойнаго, тѣмъ болѣе, что, какъ я уже указалъ, онъ незадолго до похода прибылъ съ Дальняго Востока и съ условіями ночного подхода къ Босфору при всей опытности *не могъ* быть достаточно знакомъ, также какъ и съ личнымъ составомъ Минной Бригады. Сама обстановка такихъ операцій была такова, что сильно затрудняла для отвѣтственнаго начальника контроль опредѣленій мѣста и требовала съ его стороны большого довѣрія къ своему штурману. Со мной же кап. 1 р. Савинскій имѣлъ дѣло впервые. Присутствіе вблизи поставленнаго накануне загражденія, можетъ быть недостаточная категоричность полученныхъ инструкцій — все это были достаточныя основанія, чтобы придти къ рѣшенію, по моему мнѣнію неправильному.

Прошу лейтенанта Савинскаго принять мое глубокое сожалѣніе, что появленіе въ „Посл. Нов.“ искажающей факты версіи этого эпизода, о самой возможности существованія которой я до тѣхъ поръ не подозрѣвалъ, заставила меня высказаться. Примите увѣренія въ совершенномъ моемъ уваженіи.

Кап. 2 р. *Никитенко*.

Морскія организаціи.

Всезарубежное Объединеніе Морскихъ Организаціи.

— 3 декабря 1929 г. состоялось первое засѣданіе Правленія Всезарубежн. Объедин. въ составѣ: Адмираловъ *А. И. Русина* и *П. П. Муравьева*, вице-адмираловъ: *И. Ф. Бостремъ* и *М. А. Кедрова*, контръ-адмирала *С. С. Погуляева*, флота ген.-маіоровъ *Л. А. Ковесскаго* и барона *Н. А. Типольтъ*, инж.-мех. ген.-лейт. *М. П. Ермакова*, в. м. с. в. ген.-лейт. *Л. Д. Твердаго*, капитановъ 1 ранга *В. И. Дмитриева* и *Д. П. Руденскаго*.

Послѣ привѣтствія, по случаю перваго засѣданія Правленія Всезарубежнаго Объединенія и краткаго изложенія исторіи образованія Всез. Объединенія, Предсѣдатель огласилъ списокъ организаціи и лицъ, вступившихъ въ Объединеніе, а именно: кромѣ каютъ-компаніи въ Парижѣ и морскихъ организаціи въ Парижѣ, Франціи и Алжирѣ, вступило въ Объединеніе около трехсотъ офицеровъ и гардемаринъ изъ Бельгіи, Болгаріи, Даніи, Латвіи, Нью-Йорка, С.-Франциско, Румыніи, Финляндіи, Чехословакіи, Турціи, Тяньдзина, Югославіи, Шанхая, Харбина, Эстоніи.

Въ связи съ обсужденіемъ состава Бюро Правленія было единогласно принято нижеслѣдующее измѣненіе редакціи параграфа 13-го Устава: „Замѣстителями Предсѣдателя Правленія Всез. Морского Объединенія являются: слѣдующій за предсѣдателемъ, по старшинству въ чинѣ, старшина каютъ-компаніи въ Парижѣ, или представитель мѣстной морской организаціи, согласно § 11-го Устава, и послѣдній командующій флотомъ, нынѣ Предсѣдатель Военно-Морского Союза“.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ въ §§ 14-мъ и 17-мъ Устава слово — „замѣститель“, — должно быть замѣнено — „замѣстители“.

Затѣмъ были установлены нижеслѣдующій составъ Бюро Правленія Всезарубежнаго Объединенія Русскихъ Морскихъ организаціи: Предсѣдатель — Адмиралъ *А. И. Русинъ*, замѣстители Предсѣдателя — Адмиралъ *П. П. Муравьевъ* и Вице-Адмиралъ *М. А. Кедровъ*, Генеральный Секретарь Капитанъ 1 р. *В. И. Дмитриевъ*, Замѣститель Ген. Секретаря и Казначей Капитанъ 1 р. *Д. П. Руденскій*, Замѣститель Ген. Секретаря и Казначей Флота Генералъ-Маіоръ *Л. А. Ковесскій*.

Просмотрѣвъ Уставъ Всезар. Морск. Объединенія, Правленіе признало необходимымъ сдѣлать редакціонную поправку § 7-го Устава, а именно: въ перечень лицъ, могущихъ быть членами Всезарубежнаго Объединенія, включить слово — „Гардемаринъ“.

— Въ ближайшее къ 6-му ноября воскресенье въ Алжирской церкви св. Андрея, послѣ литургіи, была отслужена торжественная панихида по Державному Основателю Морск. Корпуса Императору Петру Великому, Императору Павлу I, Императору Николаю I, Императору Николаю II, Августѣйшему Шефу Морск. Училища Наслѣднику Цесаревичу Алексѣю Николаевичу и всѣмъ усопшимъ воспитанникамъ Корпуса и морякамъ, въ морѣ погибшимъ, на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество животъ свой положившимъ и въ смутѣ убиеннымъ. На панихидѣ присутствовали почти всѣ чины Объединенія во главѣ съ его Начальникомъ кап. 1 р. А. П. Гезехусъ и почти вся русская колонія Алжира.

6-го ноября въ 19 часовъ передъ началомъ традиціоннаго обѣда, устроеннаго на квартирѣ кап. 1 р. Гезехусъ, былъ отслуженъ о. Логадовскимъ, настоятелемъ Алжирской церкви, молебенъ съ многолѣтіемъ Державнымъ адмираламъ Кириллу Владиміровичу и Александру Михайловичу и всѣмъ воспитанникамъ Корпуса и морякамъ, въ разсѣяніи сущимъ. Послѣ благословенія, начался обѣдъ, на которомъ небольшая, но дружно сплотившаяся въ военно-морское Объединеніе, семья моряковъ, вспоминая славное прошлое и съ крѣпкой вѣрой въ будущее, весело провела время. Обѣдъ затянулся до 7 час. утра. Гости лились однимъ за другимъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ вмѣсто тоста прочелъ экспромтомъ слѣд. стихотвореніе:

„Въ день праздника шестого ноября,
 Безъ Родины, безъ Флота, безъ Царя
 Мы собралися тѣсною семьею
 Поднять бокалы съ влагою живою.
 Пусть насъ здѣсь и немного
 За то мы всѣ друзья,
 Мы чтимъ завѣтъ былого
 Свой старый Флотъ любя.
 Мы шлемъ душой привѣтъ,
 А сердцемъ поздравленіе,
 Далекимъ дѣтямъ Корпуса родного.
 Россіи нынѣ нѣтъ
 И Флотъ нашъ въ заустѣнни,
 Въ изгнаньи мы — хранители былого.
 Поднимемъ же бокалы,
 Надеждою горя,
 Что скоро Богъ дастъ выпьемъ
 На Флотѣ — за Царя“.

Инженеръ-механикъ лейт. Ильинъ, единственный изъ инж.-мех. проживающій въ Алжирѣ, присоединилъ празднованіе праздника Морск. инж. училища (приходящагося на 6-ое декабря) къ празднованію дня Морского Корпуса.

— 12 января состоялось заседание **Военно - Морского Исторического Кружка**. Собрание постановило просить адмирала *П. П. Муравьева* принять на себя звание Председателя Кружка. Были подсчитаны избирательные записки в Бюро Кружка. Выбранными оказались: Адмирал *П. П. Муравьевъ*, кпр. *А. В. Городыскій* и *С. Н. Власьевъ*, стар. лейты *Е. Н. Шильдкнехтъ*, *Ф. Ф. Пелль* и *М. О. Кубе*, лейтъ *Казаковъ*, штабсъ-капит. *С. К. Терещенко* и кор. гард. *Цвѣтковъ*.

— 1 декабря 29 г. в Бѣлградскомъ Офицерскомъ Собрании состоялся докладъ к.-а. *И. А. Кононова* о „Синопскомъ боѣ“.

— 15 декабря 1929 года в Бѣлградскомъ Офицерскомъ Собрании ген.-штаба полк. *П. А. Бородаевскимъ* прочитанъ докладъ о дѣйствіяхъ Балтійскаго Флота в мировую войну. Докладчикъ, находившійся при штабѣ Командующаго Флотомъ для связи, имѣлъ возможность лично наблюдать за операціями Балтійскаго Флота. По словамъ докладчика, „адмиралы Эссенъ и Непенинъ прекрасно учили опытъ японской войны и ввели новые методы морской обороны и нападенія“. Главнокомандующій англійскимъ флотомъ такъ форм-ровалъ в свое время успѣхъ русскаго флота: „мы принимаемъ всѣ принципы, принятые во время войны русскимъ морскимъ командованіемъ“.

— Десятилѣтнюю годовщину мученической гибели отъ руки большевиковъ Верховнаго Правителя Россіи Адмирала *А. В. Колчака*, Общество Сибиряковъ, Волжанъ и Уральцевъ в Бѣлградѣ предполагаетъ ознаменовать панихидой и торжественнымъ собраніемъ, посвященнымъ памяти покойнаго. Такія же собранія будутъ имѣть мѣсто в Парижѣ и др. городахъ.

Отъ Редакціи. Редакція выражаетъ глубокое сожалѣніе, что нѣкоторыя выраженія письма в Редакцію к2р. Г. Никитенко, помѣщеннаго на страницѣ 11-й № 10 „Морск. журн.“ за 1929 г., можетъ быть, дали возможность нѣкоторымъ офицерамъ флота заподозрить автора письма в мысляхъ, которыхъ у него не было. Кпр. Савинскій былъ отличнымъ офицеромъ, большимъ знатокомъ своего дѣла, искренне уважаемый и любимый всѣми когда-либо плававшими подъ его командой.

Получивъ боевое приказаніе поставить мин. загражденія, кпр. Савинскій особое вниманіе обратилъ на выраженіе „точно указанномъ мѣстѣ“. Команд. Флотомъ придавалъ тогда, видимо, особое значеніе вообще постановкѣ мин. загражденій.

По вопросу объ отмѣнѣ кпр. Савинскимъ постановки загражденія создалось особое дѣло. В немъ былъ и рапортъ командира подлодки, которая в силу совершенно законныхъ и уважительныхъ причинъ не смогла занять свою позицію; тамъ были и рапорта командировъ миноносцевъ, участвовавшихъ в походѣ и всецѣло согласныхъ съ мнѣніемъ кпр. Савинскаго. Поймемъ же всю трагедію, пережитую кпр. Савинскимъ, вспомнимъ мнѣніе адмирала Колчака — рыцаря до глубины души — и преклонимся передъ памятью офицера, поставившаго свой служебный долгъ выше личныхъ интересовъ.

О журналахъ и газетахъ.

Въ декабрѣ помѣщены въ газетахъ слѣдующія статьи.

Возрожденіе: № 1646, 4-XII, „Атака миноносцами кавалеріи“ к.-а. кн. В. Трубецкого; № 1652, 10-XII, „Женщина въ мѣхахъ“, письмо въ редакцію к. 2 р. А. Остолопова; № 1662, 20-XII, „Флотъ и Государственная Дума“ Н. Савича; № 1668, 20-XII, „Сонъ“ А. Гефтера; № 1670, 28-XII, „Адмиралъ Запада и Адмиралъ Востока“ к.-а. кн. В. Трубецкого.

„Послѣднія Новости“: № 3174, 29-XII и № 3185, 11-XII, „Послѣдніе гардемарины“ и № 3199, 25-XII, „Вѣщунъ моря“, к. 2 р. А. Лукина.

„Новое Время“: № 2588, 12-XII и № 2589, 13-XII, „При Александрѣ III“ Д. Фокагитова (Д. Никитина); № 2603, 31-XII, „Бой Дреднаутовъ“ С. И. Лушкова.

„Время“: (Шанхай) № 98, 23-XI, „Ютландскій Бой“ к. 2 р. Лукина; № 99, 29-XI, „Это было весной“ Б. Седерхельма; № 100, 30-XI, „Операція у Зунгулдака“ кн. Трубецкого; № 101, 1-XII, „Царская семья въ гостяхъ у англійскаго короля“ к.-а. С. Н. Тимирева; № 107, 8-XII, „Четыре Адмирала“ С. Терещенко; № 108, 10-XII, „Походъ яхты во Францію“ С. Тимирева; № 109, 11-XII, „Таинственные корабли“ С. Терещенко.

— Въ томѣ VIII № 21 журнала „The Slavonic Review“, издающагося школой славяновѣдѣнія лондонскаго университета, руководитель школы, профессоръ русской исторіи, сэръ Бернардъ Пэрсъ, давая рецензію на книгу большевика К. А. Попова „Допросъ Колчака“, дѣлится рядомъ цѣнныхъ и интересныхъ воспоминаній о покойномъ Адмиралѣ, котораго авторъ хорошо зналъ, находясь въ Сибири при Адмиралѣ. По словамъ сэра Пэрса, одинъ американскій журналистъ разговаривалъ съ палачемъ Ишаевымъ объ остротельствахъ разстрѣла Адмирала; когда Адмиралу прочли постановление о разстрѣлѣ — онъ остался совершенно спокойнымъ и спросилъ, является ли это приговоромъ комиссіи или чисто военной мѣрой. Адмиралу отвѣтили, что это чисто военная мѣра; солдаты не хотѣли стрѣлять въ Адмирала и Ишаевъ выстрѣлилъ въ упоръ въ голову. Когда на улицахъ Москвы узнали о совершившемся разстрѣлѣ и кто то началъ было неодобрительно отзываться о разстрѣлянномъ, говорившаго сейчасъ же оборвалъ матросъ, сказавъ: „Вы не смѣете такъ отзываться о Колчакѣ; онъ дрался противъ насъ и долженъ былъ быть казненъ, но онъ былъ молодчина“. Сэръ Б. Пэрсъ далѣе пишетъ: „Колчакъ стоялъ внѣ исторіи колчаковскаго движенія, какъ бы надъ ней и отдѣляясь отъ нея. Въ немъ было что то царственное. До конца онъ оставался вѣрнымъ русскому народу и союзникамъ. Были ли они вѣрны ему? Честь великому джентльмену и истинному русскому патриоту“. Г-нъ А. Дій, помѣстившій въ № 217 шанхайской газеты „Слово“ статью — „Сэръ Бернардъ Пэрсъ о Колчакѣ“ (изъ нея мы и беремъ эти строки), заканчиваетъ статью благодарностью сэру Пэрсу за добрыя слова объ Адмиралѣ. Къ этой благодарности мы, русскіе моряки, присоединяемся всей душой.

(За неимѣніемъ мѣста — содержаніе статей въ слѣдующемъ номерѣ).

Издатель (за Каютъ-Компанію въ Прагѣ) и Редакторъ М. Стахевичъ.
Novinová sazba povolena řed. p a t. čís. 25274 - VII - 1928.
Odp. redaktor Z. Rejman. (Praha-Vinohrady, Korunní tř. č. 67).

Tiskla knihtiskárna Petra Duška v Říčanech.

„Уставъ Морскій“.

Въ маѣ 1929 г. Редакція Журнала открыла подписку на приобрѣтеніе за 1.800 кронъ чешскихъ книгу „Уставъ Морскій“ изданія 1720 года. Списокъ лицъ, подписавшихся съ указаніемъ суммы былъ опубликованъ: въ № 6 — 8 лицъ на сумму — 448,50 кр. ч., въ № 7-8 — 5 лицъ на сумму 153, 50 к. ч., въ № 9 — 5 лицъ на сумму 112 к. ч. и въ № 12 — 10 лицъ на сумму 451 к. ч. Т. о. за 29 г. поступила общая сумма 1.165 к.

Въ 1930 году для той же цѣли поступило: 29) отъ Брненскаго отдѣла мор. кружка „Звено“ — 78 к. ч., 30) Ю. В. Соловьева — 15 к. ч. и черезъ Б. М. Четвертухина 31-43) — 9 долларовъ или 300 кронъ отъ слѣд. лицъ: А. Смирнова — 40 ф. м., А. Гаддъ 50 ф. м., Г. Хеккерта — 50 ф. м., Б. М. Четверухина — 50 ф. м., А. Бейермана — 20 ф. м., Л. Гольмана — 50 ф. м., Д. I. Дарагана — 20 ф. м., Г. Эссена — 10 ф. м., В. Ляпидевскаго — 10 ф. м., П. Потоцкаго — 10 ф. м., А. Юрисона — 50 ф. м. и Б. Христофорова — 20 ф. м., т. е. всего 393 кроны, а съ поступившими въ 29 г. — 1.558 кронъ.

Осталось добрать 242 кроны, послѣ чего книга будетъ направлена на храненіе въ Парижъ, въ Военно-Морской Историческій Кружокъ. При книгѣ будетъ находиться особый листъ, на которомъ будетъ изложена исторія приобрѣтенія этого экземпляра Устава съ перечисленіемъ лицъ, принявшихъ участіе въ сборѣ денегъ.

Подписчики.

Въ декабрѣ 1929 года и январѣ 1930 года на „Морской Журналъ“ внесли деньги за 1929 годъ слѣдующія лица: 189) Н. Ф. Фогель, 189) Союзъ Русскихъ Инвалидовъ, Прага, 190) Г. Р. Поповъ, 191) В. А. Садовъ, 192) Ф. Г. Скрыдловъ, 193) Н. Н. Воронежскій, 194) Б. А. Арскій, 195) Н. В. Чудоръ, 197) С. А. Посоховъ, 199) П. М. Петровъ, 200) А. К. Пилкинъ и 201) В. А. Іевской.

„Зарубежный Морской Сборникъ“.

Ред. и изд. кап. 1 ранга Я. Подгорный.

Годовая подписка (4 номера въ годъ) — 40 франц. франковъ.

Kopernikova 6, Plzeň, Tchechoslovaquie.

Открыта подписка на 1930 г. на единственный въ зарубежьи иллюстрированный военный и военно-морской журналъ

— Ч а с о в о й —

Издание двухнедѣльное

Органъ связи русскаго воинства за рубежомъ
подъ редакціей В. В. Орѣхова, Евгенія Тарусскаго и А. А. Вонсяцкаго.

Подп. плата: во Франціи: За границей:
На 3 мѣс. 15 франк. 21 франк.
6 ” 30 ” 42 ”
12 ” 60 ” 84 ”

Всѣ годовые подписчики получаютъ
бесплатное приложение
— иллюстрированный —
„ВОЕННЫЙ СПРАВОЧНИКЪ“
(цѣна въ отд. продажѣ — 10 фр.).

Редакція и контора: „La Sentinelle“ 6, rue Cannebière,
Paris (12).

Артиллерійскій Журналъ

Органъ Общества Русскихъ
Офицеровъ Артил. за рубежомъ
4, rue Armand-Moisant,
Paris (XVe), France.

Цѣна: во Франціи — 3 фр.
за границей — 0,15 долл.

Вѣстникъ

Издание Пражскаго кружка
ревнителей военныхъ знаній.
Адресъ: кап. В. И. Гепнеръ,
„Пламя“, Ечна ул. № 32,
Прага, ЧСР.

Вѣстникъ

Районнаго Правленія Об-ва
Офиц. Ген. Штаба.

Югославія, Бѣлградъ, улица
Кралицы Наталіи,
бр. 33.

Вѣстникъ

Об-ва Русск. Ветерановъ
Великой Войны.

San-Francisco, California st.
2705.

Вѣстникъ

Военныхъ Знаній

подъ редакціей Ген. Шт. полк.
К. К. Шмигельскаго.

Выходитъ 4-6 разъ въ годъ.
Цѣна ном.: въ Югосл. — 10 д.,
во Франціи — 5 фр., въ Герма-
ніи — 1 м., въ остальныхъ го-
сударствахъ — 25 ам. цент.

Адресъ: К. К. Šmigeljki, Buка
ul. 1, Sarajevo, Jugoslavija.

Военный Сборникъ

Цѣна 30 дин., съ пересылкой
35 дин.

Belgrad, ul. Prestolonasledni-
kova, 28, V. Pronin.

По свѣдѣніямъ Русск. Загр. Историч. Архива въ Прагѣ, съ
1920 по 1929 г. выходило въ разныхъ странахъ 57 русскихъ
военныхъ и военно-морскихъ журналовъ.